

Карл Густав Юнг (1875–1961) – швейцарский психиатр, один из основоположников т. н. глубинной (аналитической) психологии.

Задачей этой науки Юнг считал толкование архетипических образов, возникающих у пациентов. Юнг развил учение о коллективном бессознательном, в образах (архетипах) которого видел источник общечеловеческой символики, в том числе мифов и сновидений. Также получила известность концепция психологических типов Юнга.

Психологическая методология Юнга позволила ему сделать наблюдения, ценные для всего комплекса гуманитарного знания, в частности филологии и истории.

В предлагаемой ниже статье содержится оригинальный (по меньшей мере, на момент ее опубликования) взгляд выдающегося ученого и мыслителя на генезис европейских катаклизмов XX века и предположения о будущем Европы.

ВОТАН¹

Карл Густав Юнг

*В Германии рождаются разные секты,
Которые очень приблизятся
к счастливому язычеству:
Плененное сердце и малый результат,
Они вернутся к уплате истинной десятины.*

*Предсказание Мастера Мишеля
Нострадамуса, 1555 г.²*

Когда мы оглядываемся на время до 1914 г., кажется, что мы живем в другую эпоху. То, что с нами сегодня происходит, вряд ли даже приснилось бы до войны. Вначале мы отнеслись к войне между цивилизованными нациями как к чуши, ибо такая абсурдность, несомненно, становилась все менее и менее возможной в нашем рациональном, интернационально организованном мире. С войной пришло то, что можно назвать лишь бесовским шабашем. Фантастические революции и решительное перекаривание карт; в политической сфере возникают феномены, прототипы которых находятся в средневековье и античности; государства проглатывают соседей и своими тоталитарными претензиями переплывают любое предыдущее теократическое намерение; и христиане, и евреи подвергаются преследованиям; политические убийства сплошь и рядом, оптом, и, наконец, мы только что стали свидетелями головокружительного пиратского рейда на мирных, полугцивилизованных людей³.

Когда такие события происходят в сфере политической, то вряд ли стоит удивляться, что и другие сферы продуцируют те же характерные явления. В царстве философии надо быть терпеливым, ибо у философа должно быть время на раздумье перед тем, как он сможет понять, в каком времени мы жи-

вем. Но царство религии уже произвело на свет некоторые, очень значительные события.

Движение безбожия в России вообще-то не удивляет, потому что греческая православная церковь уподобилась своим лампадам и иконам, нагромоздив обилие ритуалов и религиозного убранства. На Ближнем Востоке облегченно вздохнули, когда, освободившись от самих себя, покинули курящуюся фимиамом атмосферу православной церкви и пришли к честной мечети, где возвышенное и невидимое всеприсутствие Аллаха не было вытеснено обилием подмен. Каким бы плачевно низким ни был духовный уровень у «научного» противодействия, все же было неизбежно, что XIX столетие и его «научное» просвещение рано или поздно дойдет до России.

Но любопытен тот, мягко говоря, пикантный факт, что старый бог бури и натиска, давно бездействующий Вотан, смог проснуться, как потухший вулкан, к новой деятельности в цивилизованной стране, о которой давно уже думали, что она переросла средневековье. Мы увидели Вотана, возрожденного в молодежном движении, и кровь нескольких овец пролилась в жертвоприношениях, возвестивших самое начало его возвращения. С рюкзаком и лютой белокурой юноши, а иногда и девушки появились как не ведающие отды-

ха странники на дорогах от Нордкапа до Сицилии, верные слуги скитающегося бога. Позже, ближе к концу Веймарской республики, роль странствующих переняли тысячи и тысячи безработных, которых можно было встретить везде на дорогах их бесцельных путешествий. А к 1933 г. гуляющих уже не осталось, люди сотнями тысяч маршировали. Движение Гитлера повергло всю Германию к его ногам, от пятилетних до ветеранов, и поставило спектакль великой миграции людей, спектакль, знаменующий время. Вотан-путешественник проснулся. Он появился на свет в немногом застенчивом виде, на сборищах сект простых людей Северной Германии, обсуждавших то, как Христос восседает на белой лошади. Я не знаю, возможно ли, чтобы эти люди сознавали древнюю связь Вотана с фигурами Христа или Диониса, но, думаю, вряд ли.

Вотан – это лишенный покоя путешественник, который творит беспокойство и вызывает раздоры то там, то здесь или же действует магически. С приходом христианства он превратился в дьявола и жил только в быстро затухавших местных традициях призрачным охотником, которого видят в штормовую ночь со своей свитой. А роль неутомимого путешественника в средневековье перешла к Агасферу, Вечному Жиду⁴, который является не иудейской, а христианской легендой. Другими словами, мотив странника, который не принял Христа, был спроецирован на евреев, точно так же, как мы всегда перекриваем наши собственные психологические содержания, ставшие бессознательными, у других людей. Так или иначе, но здесь присутствует та психологическая тонкость, которую можно упомянуть, – антисемитское движение совпало с пробуждением Вотана.

Немецкая молодежь, праздновавшая солнцестояние, была не первой, услышавшей шум в первобытном лесу бессознательного. Ее предвосхитил Ницше, Шулер, Стефан Георге и Клагес⁵. Литературная традиция Рейна и деревенского юга Майна имеет классическую форму, которую не так-то легко отбросить. Поэтому любая интерпретация, приходящая отсюда, стремится вернуться к классической модели, к античному опьянению и роскоши, т. е. к Дионису, «*rieg aeternus*»⁶ и к космогоническому Эросу⁷. Обращение к ним, конечно, ближе точке зрения культурного, образованного человека, но Вотан – все же более точное толкование. Он является богом бури и неистовства и высвобождает сильные чувства и страсть к войне. Кроме того, Вотан верховный маг и колдун, близкий всякой оккультной тайне.

В случае с Ницше надо учесть целый ряд индивидуальных факторов. Он блаженно не сознавал свою немецкую почву; он открыл обывателей в академическом мире. К тому же он пришел к выводу, что бог умер, и это привело к встрече Заратустры с неизвестным богом неожиданного вида, то в виде врага, то в облике самого Заратустры. Потому-то Заратустра сам себе предсказатель, колдун и буря:

Подобно ветру я однажды пронесусь среди них, и вместе с моим духом возьмите дыхание из их духа: так велит мое будущее.

Воистину сильный ветер – это Заратустра, и он предостерегает как врагов, так и тех, кто плюет и низвергает:

*Смотри, не плюнь против ветра!*⁸

Эта тема снова всплывает во сне Заратустры. Ему снится, что он стал хранителем могил в «Одинокой горной крепости смерти». О том, что произошло после огромных и бесплодных усилий открыть ворота, он поведал:

*Тогда бушующий ветер распахнул створы их:
свистя, крича, разрезая воздух, бросил он мне чёрный гроб.
И среди шума, свиста и пронзительного воя раскололся гроб,
и из него раздался смех на тысячу ладов...
Не ты ли сам этот ветер,
с пронзительным свистом распахивающий ворота в замке Смерти?
Не ты ли сам этот гроб,
наполненный многоцветной злобою и ангельскими гримасами?*⁹

Ницшевская тайна сбрасывает всю маскировку и возникает явственно, даже яростно в этом образе. Много лет назад, в 1863 или 1864 г., Ницше написал в поэме «Незнакомому богу»:

*Я должен знать тебя, незнакомый Некто,
Тебя, кто обнаруживает глубины в моей душе,
И несётся, как буря, сквозь мою жизнь.
Ты – непостижимый, и всё же мой король!
Я должен знать тебя, и даже беречь тебя.*

И через двенадцать лет в чудесной «Мистральной песне» он говорит:

*Мистральный ветер, ты охотник за облаками,
Ты губишь страдания, ты – очиститель небес,
Ты – бушующий шторм, как я люблю тебя!
И родились ли мы оба первенцами
Из одного и того же чрева,
навсегда предназначенные
Одной судьбе?*

В дифирамбе, известном как «Плач Ариадны», Ницше целиком, весь – жертва бога охотника и не может ни на минуту освободиться даже последующим насильственным самоизбавлением от Заратустры:

*Распростертый, растянутый, дрожащий,
Как и он, наполовину мертвый и холодный,
только ноги еще теплы –
и сотрясаемый, о, неизвестными лихорадками,
Содрогаемый отточенными,
холодными, ледяными
тонкими стрелами, отточенными тобой –
преследующее мое воображение!
Невыразимый! Темный! Больнопугающий!*

*Ты охотник позади облачных гор!
А сейчас молния, пущенная тобой,
Ты – насмешливый глаз, что мной
в темноте наблюдаем,
он делает так, что я лежу, подчинив себя,
скрутив себя,
содрогаемый постоянной, вечной пыткой,
И обуянный Тобой, жесточайший охотник,
Ты, незнакомый – БОГ...*

Эта живейшая картина изумительной фигуры бога охотника, конечно, основана на переживании и не может быть объяснена просто дифирамбичностью языка. Можно найти следы происхождения этой фигуры в книге о юности Ницше, написанной его сестрой Элизабет Ферстер Ницше, в которой описывается переживание, связанное с этим богом, когда Ницше был школьником в Пфорте и ему было 15 лет¹⁰. Ницше бродил ночью по унылому лесу и, напуганный впечатлением от «пронзительного крика из соседнего психиатрического приюта», повстречался с охотником, чьи «Черты были дики и жутки». В долине, «окруженной со всех сторон густым подлеском», охотник поднес свисток к губам и выдул такую «душераздирающую ноту», что Ницше лишился рассудка и пришел в себя лишь в Пфорте. Это был кошмар. Показательно, что столкновение с охотником поставило вопрос о путешествии в Тойченталь (Teutschental)¹¹, ради чего автор кошмара действительно собрался идти в Эйслебен, город Лютера. Едва ли можно ошибочно истолковать пронзительный свист бога бури в лесу лунатиков.

Действительно ли только классический филолог, сидящий в Ницше, привел к богу, названному Дионисом, вместо Вотана, или, может быть, это результат фатального столкновения с Вагнером?

В «Царстве без пространства» («Reich ohne Raum») ¹², впервые опубликованном в 1919 г., Бруно Гютц увидел тайну прихода немецких событий в виде очень характерного видения. Я не забуду эту маленькую книжку, так она меня поразила тогда предсказанием немецкой бури. Она предвидела конфликт царства идей и царства жизни; она изобразила двойную природу бога бури и тайного созерцания. Вотан исчез, когда пали его дубы, и снова возник, когда христианский бог оказался слишком слабым, чтобы спасти своих христиан от братоубийственной резни. Когда его Святейшество Папа Римский мог только горько жаловаться Богу и был бессилён помочь своей *Grege segregatus*¹³ хоть как-нибудь иначе, одноглазый старый охотник на опушке немецких лесов смеялся и седлал Слейпера¹⁴.

Мы, опираясь на экономические, политические и психологические факторы, убеждены, что новый мир – мир благоразумный. Но если мы забудем на мгновение, что живем в 1936 г. от Рождества Христова, и отбросим действующую из самых лучших побуждений человеческую – слишком человеческую – позицию, а также вместо себя свалим на Бога – или богов – ответственность за сегодняшние события, то гипотеза о Вотане нам сможет все прекрасно объяснить. Собственно говоря, я рискую

сделать еретическое предположение, что бездонная глубина и непостижимый характер старого Вотана раскрывает национал-социализм глубже, чем все три разумных фактора, сложенных вместе. Понятно, что каждый из этих экономических, политических и психологических факторов объясняет какой-нибудь важный аспект положения дел, происходящих в Германии, но все же Вотан объясняет лучше. Он особенно четко выявляет то, что относится к общему феномену, такому необъяснимому и непостижимому для чуждого человека, как бы глубоко он его ни обдумывал.

Общий феномен можно резюмировать как Одержимость (Ergriffenheit) – состояние существа побуждаемого или почти одержимого. Это выражение недвусмысленно обосновывает наличие некоего Одержимого (Ergriffener) – того, кто побуждается чем-либо, а также Одерживающего (Ergreifer) – того или чего-либо, что побуждает или «одерживает». Вотан – это Одерживающий людей, и он реально единственное объяснение, если только мы не хотим обожествлять Гитлера, то есть делать именно то, что и сделали с ним сегодня! Да, Вотан разделяет свои качества со своим двоюродным братом Дионисом, но, похоже, что последний оказывает воздействие на женщин. Менады¹⁵ – проявления женского сексуального влечения, и, как гласит миф, проявления достаточно опасные. Вотан ограничился берсерками¹⁶, нашедшими свое призвание в охране мифических королей.

Разуму, еще по-детски наивному, боги представляются так называемыми метафизическими сущностями или существами (entia)¹⁷, бытующими в себе, либо же он считает их несерьезной и суеверной выдумкой. С обеих точек зрения приведённая параллель между *redivivus*¹⁸ Вотана и социальной, политической, психологической бурей может быть ценной хотя бы как иносказание, т. е. «как будто бы». Но разум вырывается из своих оков, утверждая метафизическое существование богов. Такое постулирование настолько же самонадеянно, как и мнение, что богов можно изобрести, ибо несомненно, что боги – это персонификация психических сил. Тех психических сил, которые не имеют почти ничего общего с сознательным разумом, хотя мы и очень любим забавляться идеей того, что сознательный разум и психика тождественны. Это только интеллектуальное предположение, но мы напуганы «метафизическим» и поэтому развили манию всё рационально объяснять. Эта пара всегда была братьями врагами, и естественно, что надо бояться их конфликта. «Психические силы» в действительности относятся к бессознательному. Все, что подбирается к нам из этого тёмного царства и приходит вроде бы извне, мы с уверенностью воспринимаем как реальность. В противном же случае оно рассматривается как галлюцинация, следовательно, как нечто неистинное. Идея, что нечто, не приходящее извне, может быть верным, пока еще с трудом пробивается к человечеству.

Для облегчения понимания и избежания предубежденности надо было бы вместо Вотана сказать о «*furor teutonicus*»¹⁹. Но тут может идти речь более

о сходстве, нежели полной замене, ибо получится, что «*fügo*» просто психологизация Вотана, что говорит нам лишь о том, что люди находятся в состоянии «помешательства». А так мы можем упустить ценную характеристику феномена в целом, т. е. драматический аспект Одержавшего и Одержимого, что является наиболее выразительной частью немецкого феномена. Один человек, явно одержимый, заразил всех людей так, что все пришло в движение и, более того, взяло опасный курс.

Мне кажется, что Вотан как гипотеза «попадает в яблочко». Похоже, он действительно дремал в Кифхойзеровской горе, пока вороны его не позвали и не возвестили рассвет²⁰. Вотан – это основополагающая характеристика немецкой души, иррациональный, психический её фактор, действующий как циклон на высокое давление цивилизации и сметающий ее прочь. Почитатели Вотана, несмотря на всю их эксцентричность и причуды, похоже, оценивали эмпирические факты более верно, чем поклонники разума. По-видимому, все до одного забыли, что Вотан представляет первобытный немецкий фактор и что он – самое точное выражение и неподражаемая персонификация основного человеческого качества, которое особенно характеризует немца. Хьюстон Стюарт Чемберлен²¹, правда, выступает симптомом, вызывающим подозрение, что скрытые завесой боги могут дремать и в другом месте. Но в Германии симптомы очевидны: выпячивание немецкой, т. е. арийской, расы, акцент на кровь и связь с землей, народные обычаи, возвращенные к жизни, Вагалаусские (*Wagalawei*) песни, полет валькирий²², пророк Иисус в виде белокурого и голубоглазого героя, греческая мать Святого Павла, дьявол как международный Эльберих²³ еврейского или масонского сорта, нордическая Аврора Бореалис²⁴ как светоч цивилизации и презрение к «низшим», средиземноморским расам. Все это – обязательные части сценария, который разыгрывается, и, по сути, все это означает одно: бог уже вступил во «владение» немцами, и их дом полон «могущественным ветром». Если я не ошибаюсь, вскоре после того, как Гитлер захватил власть, в «Панче» появилась такая карикатура: торжествующий берсерк вырывается из своих оков. Дикая, иррациональная буря разразилась в Германии, а мы все надеялись, что это обычные перемены погоды.

В Швейцарии дела идут сравнительно хорошо, хотя изредка доносятся порывы ветра с севера и юга. Иногда ветер приобретает угрожающие звучания, а иногда кажется, что он нашептывает совсем безвредно и даже идилично, так что никто и не тревожится. Мы достаточно мудры, «чтобы позволить спящей собаке лежать», можем вести свою жизнь, таким образом, достаточно разумно. Иногда можно услышать, что у швейцарца особая сопротивляемость к своим проблемам. Я должен отвергнуть это обвинение. Швейцарец является интроспективным, но он ни за что на свете не признается себе в чем-либо, даже когда замечает ветер на своей земле. Вот так же и мы платим нашу безмолвную дань немецкой эпохе бури и натиска²⁵. Но мы никогда не вспоминаем об этом, что дает нам

возможность чувствовать своё превосходство. Тем не менее это все – немцы, у которых есть практический шанс поучиться, фактически имеется благоприятная возможность, может быть, уникальная в истории. Они подвергают души тем опасностям, от которых христианство пытается спасти человечество, и могут научиться понимать природу этих опасностей в глубине своих душ.

Германия – земля духовных катастроф, где известные природные явления никогда не предполагали большего, чем требование мира, не без соображений о мировом господстве. Нарушитель спокойствия – ветер, дующий в Европу из бескрайней и первобытной Азии, проносющийся по широкому фронту от Фракии до Балтики. Иногда он дует извне и разметает народы перед собой, как сухие листья, а иногда действует изнутри и внушает людям идеи, сотрясающие основы мира. Это стихийный Дионис, врывающийся в Аполлоновый порядок. Назовем творца этой бури Вотаном, и мы очень много сможем узнать о его характере, изучая историю и ход революций и беспорядков, которые он породил в духовном и политическом мире. Но чтобы понять его характер совершенно точно, надо вернуться в то время, когда человечество использовало мифологический язык и не пыталось объяснить каждую вещь, примеряя ее на человека и его ограниченные способности. Язык мифов уходит вниз, в глубочайшие первопричины, в психику и её автономные силы. Древнейшая интуиция человека воплотила эти силы в богов и описала как можно полнее и тщательнее в соответствии с их разнообразными характерами в мифах. Это стало возможным, потому что здесь – проблема основных и неизменных типов или образов, присущих бессознательному многих народов. Поведение народа получает свой специфический характер из собственных, лежащих в основании образов, и, следовательно, можно говорить о некоем архетипе «Вотана»²⁶. Как автономный психический фактор, Вотан порождает эффекты коллективной жизни людей и в соответствии с этим также раскрывает свой характер. Так что Вотан имеет характерную биологию, вытекающую из его особенностей, совершенно независимую от природы человека. Лишь иногда, время от времени, люди падают, сраженные непреодолимым влиянием этого бессознательного фактора. Когда фактор бездействует, архетип Вотана осознается не больше скрытой эпилепсии. Мог ли немец, уже будучи взрослым в 1914 г., предвидеть, что произойдет в 1935 г.? Такое удивительное изменение – эффект бога ветра, что «проносится там, где ему нравится, и ты вслед за ним слышишь звук, но не можешь сказать, откуда он явился и куда он правит». Он подхватил все лежащее на его пути и вырвал с корнями все, что не крепко держалось. Когда несет ветер, все – ненадежно, внешнее и внутреннее – все вскрывается.

Как раз недавно опубликовал монографию, посвященную Вотану, Мартин Нинк²⁷, – весьма желанное дополнение нашему знанию о характере этого бога. Пусть читатель не пугается того, что эта книга – обычное научное исследование с академической

точки зрения. Действительно, она очень объективно и вполне достойно оценивает правила науки; в ней чрезвычайно обширный материал тщательно собран и приведен в стройную систему. Но что важнее, чувствуется, что автор жизненно заинтересован в материале, что струна Вотана вибрирует и в нем. Это не критика, наоборот, большое достоинство книги, которая без этой вибрации легко опустилась бы до неинтересного каталога. Авторская Одержимость внесла жизнь в программу, что особенно заметно в последней главе «Обзор».

Нинк действительно создает величественный портрет немецкого архетипа Вотана. Описывая его в десяти главах, использует весь имеющийся в наличии материал: Вотан как берсерк, как бог бури, путешественник, воин, как бог Чарование, бог Возжелание, повелитель и Ein heria²⁸, магистр тайноведения, волшебник и бог поэтов. Не забыты ни валькирии, ни fulgia²⁹, ведь они относятся к мистическому окружению и пророческому значению Вотана. Особенно прозрачны изыскания Нинка по этимологии имени. Становится ясно, что Вотан не только бог ярости и неистовства, соединяющий инстинктивную и эмоциональную стороны бессознательного. В Вотане проявляется и интуитивная и вдохновляющая сторона – он понимает руны³⁰ и может толковать судьбу.

Римляне отождествляли Вотана с Меркурием, но в действительности индивидуальный характер Вотана не соотносится с каким-либо из римских или греческих богов, хотя и существует некоторое сходство. Он странствует, например, как Меркурий; правит смертями как Плутон и Кронос, и с Дионисом его связывает эмоциональное неистовство, особенно в гадательном аспекте. Удивительно, что Нинк не упомянул Гермеса, греческого бога откровения. Как Пневма³¹ и Нус³², Гермес тоже связан с ветром, он может быть мостом к христианской Пневме и к явлению, произошедшему на Троицын день³³. Как и Поймандр³⁴, Гермес – Одерживающий людей. Нинк правильно выделяет то, что Дионис и другие греческие боги всегда оставались под верховной властью Зевса, и эта власть указывает на фундаментальное отличие греческого и немецкого темперамента. Нинк предполагает внутреннюю взаимосвязь Вотана и Кроноса; и недавнее поражение, возможно, знак того, что архетип Вотана был однажды захвачен и расцеплен в далекой античности.

Во всяком случае, немецкий бог представляет цельность, относящуюся к первобытному уровню, к психологическому состоянию, в котором человеческая воля почти идентична божественной и, значит, целиком в руках судьбы. Но существовали греческие боги, помогающие человеку против других богов, а отец Зевс находится на подступах к идеалу благодетельного, просвещенного деспота.

Не путь для Вотана – стоять и выказывать признаки возраста. Он просто исчез, когда время обернулось против него, и был невидим более тысячи лет, что означает, что действовал он лишь анонимно и косвенно. Архетипы походят на ложа рек, высохших, потому что их покинула вода, которая мо-

жет вернуться в любое время. Архетип иногда, как старое русло, по которому в какое-то время текла вода жизни, прорезая для себя глубокую протоку. Дольше она текла – глубже протока и больше вероятность того, что раньше или позже вода вернется. Индивидуумы в обществе и, в большей мере, в государстве могут управлять этой водой и регулировать ее наподобие канала. Но когда вода достигает жизни наций, она становится великой хлынувшей рекой, вне контроля человека, но во власти того, что было всегда сильнее, чем человек. Лиге Наций дали международную власть, и что же – одни считают ее нуждающимся в заботе и опеке дитем, другие – неудавшейся попыткой. Вот так – нет узды на жизнь народов и жизнь летит бессознательно, без понимания того, куда она летит; похожа на камень, с грохотом несущийся вниз по склону до тех пор, пока, натолкнувшись на препятствие, крепче, чем он сам, не остановится. Политические события так же движутся от одного безвыходного состояния к другому, вроде воды в потоке, вдруг пойманной в водоворотах, водостоках, болотах. Все человеческое властвование заканчивается, когда индивид захвачен массовым движением и начинают функционировать архетипы. Такое же явление можно наблюдать, когда в жизни индивид сталкивается с ситуациями, неподвластными тем способом преодоления, с которыми он знаком. И Достаточно оглянуться на юг или север Швейцарии и получить прекрасную возможность рассмотреть, как так называемый Вождь (Führers) ведет себя, сталкиваясь с движением в массах.

Правящий архетип не остается одним и тем же навсегда, выражающим только себя, например, в ожидании царства над миром, находясь во временном заточении. Архетип отца в Средиземноморье, созидающего порядок и вершащего справедливость или даже выражающего доброжелательность, был потрясен до своих оснований по всему Северу Европы. Красноречивое свидетельство этому – сегодняшняя судьба христианских церквей. Становится ясным (фашизм в Италии и положение дел в Испании), что шок значителен даже там, где трудно было и представить, – на Юге. Католическая церковь сама больше не в состоянии представить доказательство своей силы.

Народный бог напал на христианство под разными именами по широкому фронту. В России его называли техническими достижениями и наукой, в Италии – Дуче, в Германии – «немецкая вера», «немецкое христианство» или «Государство». «Немецкие христиане»³⁵ – это тарбарщина. Было бы лучше для них, войди они в хауэровское «Движение за немецкую веру»³⁶. Эти люди порядочны, действуют из самых лучших побуждений, они честно принимают свою Одержимость и внутри себя пытаются примириться с этим новым и неоспоримым фактом. Они переносят огромное число неприятностей, чтобы облечь их в видимое содержание не слишком опасным путем поиска исторических параллелей, чтобы сохранить хотя бы видимость связующего защитного покрова. Такая деятельность открывает утешающее преходящее сияние великих людей

прошлого. Тут и великие немецкие мистики, среди них, например, Майстер Экхарт, немец, который тоже был Одержимым. Таким образом, избегается большинство неловких вопросов типа: «Кто же этот «Одержажий»? Конечно же, это всегда был Бог. Но как Хауэр вместе со своей всемирной индогерманской сферой съезжает все больше и больше к нордической стороне, особенно к «Эдде», так и Одержимость проявляется все более и более в «немецком» вероучении, и становится все более понятным, что «бог для немцев» – это «немецкий» бог.

Нельзя удержаться от волнения, читая хауэровскую книгу³⁷, когда представляешь ее трагической и в сущности даже героической попыткой добросовестного ученого. Хауэр не сознавал происходящего с ним. Как немец, он был разбужен и движим неслышным голосом Одержажего. И сейчас он пытается всей своей мощью, всеми своими знаниями и способностями выстроить мост между темными жизнесилами и светлым миром исторических идей и фигур. Но могут ли все эти чудесные вещи – относящиеся к прошлому, где было другое умонастроение человека, – помочь человеку нынешнему, если он сталкивается с живым и бездонным первобытным богом, которого никогда не ощущал до этого? Человек втянут, как сухой лист, в буйный вихрь, и ритмические аллитерации «Эдды» неразрывно соединены с христианскими мистическими текстами, немецкой поэзией и мудростью Упанишад³⁸. И Хауэр, сам Одержимый, использует лежащие в основе немецкого языка богатые и многозначные слова в той степени, которой и сам никогда не знал. Это не воздание должного ни Хауэру, санскритскому ученому, ни «Эдде», так как и то и другое было до. Это – дело Кайроса³⁹, чье настоящее имя – Вотан, как это следует из ближайшего рассмотрения. Поэтому я хотел бы посоветовать «Движению за немецкую

веру» отбросить свою излишнюю щепетильность – интеллигентные люди не спутают вас с теми вульгарными поклонниками Вотана, чья правочность не более чем претензия. Есть люди в «Движении за немецкую веру» достаточно интеллигентные и человечные, чтобы верить и, более того, знать, что бог немцев – это Вотан, а не общий христианский Бог. Это трагический опыт, а не позор. Ужасно попасть в руки живого бога. Хорошо известно, что и Яхве не был исключением из этого правила. Филистимляне, адомитяне, амориты и прочие, пребывавшие вне Яхве, нашли это чрезвычайно неприятным, и все христианство долго страдало под семитским испытанием божественного Аплаха. Мы, стоящие в стороне, судим немцев так, как будто они сознательны, были действующими силами, но, может быть, мы ближе к истине, когда считаем их и жертвами.

Надо сделать вывод на будущее, чтобы быть последовательными, рассматривая немецкие события с нашей – предположительно особой – точки зрения: Вотан показал себя беспокойным, буйным и бурным, а это лишь одна из сторон его характера. Он обладает на своей другой стороне, которая на время тоже способна стать видимой, различными экзотическими и пророческими качествами. Если вывод окажется верным, то национал-социализм – не последнее слово. Скрытым на заднем плане должно находиться то, что до некоторых пор мы не способны вообразить, но можем ожидать появления в ходе следующих лет или десятилетий. Пробуждение Вотана – это порядок отступления или ухода назад, в прошлое. Река была запружена и прорвалась в свое первоначальное русло. Но эта запруда не навсегда, это скорее «gesuler pour tieux sauter»⁴⁰, и вода прорвет преграду. Потом, позже, мы узнаем, что говорит Вотан, когда он «шепнется с черепом Мимира».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эссе впервые опубликовано в «*Neue Schweizer Rundschau*» в марте 1936 г.

2. См.: *Наука и религия*. 1988. № 11. – Примеч. пер.

3. Абиссиния. – Примеч. авт. Здесь имеется в виду ита-лозфиопская война 1935 г. – Примеч. пер.

4. Агасферус, Вечный Жид. Из христианской легенды: Христос, несший свой крест на Голгофу, попросил отдых, но был осмеян и оплеван шедшим неподалеку человеком по имени Агасфер. За это в наказание ему Богом была дана вечная жизнь и вечные страдания. Агасфер стал не знающим покоя скитальцем. После искупления и второго пришествия Христа кара могла быть снята. Легенда в средневековье пользовалась популярностью. – Примеч. пер.

5. Со времени Ницше (1844–1900) существовало последовательное подчеркивание превосходства «дионисийского» начала жизни над «аполлонийским». После «Рождения трагедии из духа музыки» (1872) темная, земная, женская сторона с ее гадательными и оргиастическими характеристиками овладела воображением философов и поэтов. Постепенно стала считаться идеалом иррациональность: она видна, в частности, во всех исследованиях религиозных мистерий Альфреда Шулера (ум. в 1923 г.) и особенно в работах Клагеса, излагавшего философию «иррационализма». Для Клагеса логос и сознание – разрушители творческой, досознательной жизни. У этих писателей мы можем засвидетельствовать начало постепенного от-

каза от реальности и отрицания жизни как таковой. Это ведет в конечном счете к культуре экстаза, кульминирующего в саморазрушении сознания в момент смерти, которая в их представлении означает преодоление материальных ограничений.

В поэзии Стефана Георге (1868–1933) сочетаются элементы классической цивилизации, средневекового христианства и восточной мистики. Георге намеренно набрасывается на рационализм XIX и XX вв. Его аристократическое поднесение мистической красоты и эзотерической концепции истории имело сильное влияние на немецкую молодежь. Его работа стала использоваться неразборчивыми в средствах политиками с пропагандистскими целями.

6. *Puer aeternus* (лат.) – «вечный мальчик», имя Диониса, распространяемое автором и на других «вечно молодых богов». – Примеч. пер.

7. «О космогоническом Эросе» – так называется одно из основных произведений Клагеса.

8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч. Т. 2. М., 1990. – Примеч. ред.

9. См.: Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 98. – Примеч. пер.

10. Становление Ницше. Автобиографические записки (*Der werdende Nietzsche. Autobiographie Aufzeichnungen*, 1924).

11. Слово «*Teutsch*» – старая форма «*Deutsch*». «*Teutschental*» означает Немецкую долину.

12. Первое издание: *Kiepenheuer, Potsdam, 1919*. Второе расширенное издание: *Seeverlag, Konstanz, 1925*.

13. *Grex segregatus* (лат.) – паства. – Примеч. пер.

14. Слейпнир – мифический восьминогий, «быстро скользящий» серый конь Вотана. – Примеч. пер.

15. Менады, вакханки – женщины, охваченные безумным влиянием Диониса. – Примеч. пер.

16. Берсерки – свирепые воины Вотана, профессионально гибнущие на поле боя. Жили в Вальхалле (жилище Вотана, воинский рай). – Примеч. пер.

17. *Entia* (лат.) – сущности, существа. – Примеч. пер.

18. *Redivivus* (лат.) – бывшего, обновленного. – Примеч. пер.

19. *Furor teutonicus* (лат.) – бешенство тевтонов. Тевтоны – одно из названий древних германских племен. – Примеч. пер.

20. Кифхойзер – место в горах Гарца, где, согласно легенде, спит и дожидается срока своего второго пришествия император Фридрих Барбаросса. – Примеч. пер.

21. Чемберлен Хьюстон Стюарт (ум. в 1927 г.) – писатель, социолог. Англичанин, жил в Австрии, Германии. Творчество претерпело эволюцию от темы кризиса («нет постоянства») к темам социалдарвинизма. Считается предшественником фашистской идеологии. – Примеч. пер.

22. Пляски Валькирий – полет духов войны в женском облике. Валькирии – слуги Вотана, прядут ткань войны.

23. Эльберих – седобородый гном германских легенд. Благодаря своему волшебному колпаку мог становиться невидимым, обладать силой дюжины людей. Зигфрид («Нибелунги») победил его и овладел волшебным колпаком и сокровищами Нибелунгов, которые защищал гном.

24. *Aurora borealis* (лат.) – т. е. северное сияние нордической (скандинавогерманской) расы. – Примеч. пер.

25. «Буря и натиск». – Скрытая цитата из немецкой литературы конца XVIII в. (Гёте, Шиллер) с идеалами страсти, борьбы. Шиллеровская драма «Вильгельм Телль» о борьбе за независимость Швейцарии оказала сильное воспитательное влияние. – Примеч. пер.

26. Вы можете прочитать, что Бруно Гётц высказал в отношении Одина как немецкого странствующего бога: *Deutsche Dichtung – Vita Nova Verlag, S. 36, 72*. К сожалению, я прочитал эту книгу только после того, как закончил эту статью.

27. Вотан и верование в свою судьбу. (*Vodan und germanischer Schicksals glaube. – Eugen Diderich, Jena, 1935*)

28. *Ein heria* (из сканд.) – отличный воин. – Примеч. пер.

29. *Fulgia* (сканд.) – духзащитник человека или рода. – Примеч. пер.

30. Руны, рунические надписи – знаки древнейшего германского алфавита, в том числе гадательные (2 в.). – Примеч. авт.

31. Пневма – категория христианского богословия (одна из центральных в гностицизме), за которой стоит Дух. – Примеч. пер.

32. Нус – мировой разум. – Примеч. пер.

33. *Pentecost* – Пятидесятница, Троицын день, один из главных христианских праздников, празднуется на 50-й

день после Пасхи. Согласно Ветхому завету, это праздник первых плодов урожая. По Новому завету, этот день – начало распространения христианства. В этот, 50-й день после вознесения Христа на небо Святой Дух снизошел на Апостолов в Иерусалиме. – Примеч. пер.

34. «Поймандр» – герметический трактат, религиозно-философское сочинение, вдохновленное Гермесом Трисмегистом, т. е. богом, открывающим все тайны мира. (См.: *Герметизм // Философский энциклопедический словарь. М., 1983*). – Примеч. пер.

35. Национал-социалистическое движение в протестантской церкви, пытавшееся исключить любые следы Ветхого завета из христианства.

36. Вильгельм Хауэр (р. в 1881 г.) – первоначально миссионер, затем профессор санскрита Тюбингенского университета, был основателем и лидером «Движения за немецкую веру». Это движение пыталось учредить «Немецкую веру», основанную на германских и нордических расистских писаниях и традициях, например Мейстера Экхарта и Гёте. Это движение стремилось сочетать ряд различных и часто несовместимых черт: некоторые из его членов еще допускали христианство, считая необходимым исключить нежелательные места, тогда как другие не только полностью отвергали любую форму христианства, но и любую разновидность религии и бога. Одно из общих мест о вере, преподносившееся в 1934 г., гласило: «Движение за немецкую веру метит в религиозный ренессанс народа, выходящий из наследственных основ немецкой расы».

Можно сравнить это движение с проповедью, прочитанной д-ром Лангманном, евангелическим священником и высшим должностным лицом церкви, на похоронах покойного Густлоффа. Д-р Лангманн обратился «в униформе армии спасения и высоких полевых ботинках». Он торопил покойника в поездку к Гадесу (бог царства мертвых в греческой мифологии. — Примеч. пер.) и направлял в Вальхаллу, в дом Зигфрида и Балдура, в дом героев, «чувствующих жизнь немецких людей жертвой своей крови», подобно, среди прочих, Христу. «Возможно, этот бог посылает землян бряцать, идя своей дорогой сквозь историю». «Бог благословляет нашу борьбу. Аминь». «Почтенный господин закончил своё наставление точно так же, как сделали в «Новой цюрихской газете» (1936, № 249). Так служба держится Вотана, и это, конечно, чрезвычайно поучительно, ведь как она замечательно терпима к верующим в Христа! Что же, Единая Немецкая Церковь способна быть одинаково терпимой, проповедуя Христа, проливающего кровь за спасение человечества, и Зигфрида, Балдура и Одина, среди прочих? Вот такой удивительно гротескный вопрос можно задать в эти дни.

37. «Немецкие боги» (*Deutsche Götter. Grandzüge eines deutschen Glaubens. – Karl Gutbrod, Stuttgart, 1934*).

38. Упанишады – древнеиндийские религиозно-философские тексты, изложенные в форме бесед учителя с учеником. – Примеч. пер.

39. Кайрос – настоящий момент времени, персонафикация благоприятного момента.

40. *Reculer pour mieux sauter* (фр.) разгон для прыжка. – Примеч. пер.

